

Борис Исаакович Ярхо

Юный Роланд

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Я78

Я78 **Ярхо Б.**
Юный Роланд / Борис Исаакович Ярхо – М.: Книга по Требованию, 2022. –
133 с.

ISBN 978-5-521-39868-3

ISBN 978-5-521-39868-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНИЕ

I. Постановка гипотезы.

1. Задача	7
2. Ход решения .	10

II. Правдоподобность гипотезы.

1. Историко-литературная правдоподобность . .	25
Сказание о Берте и Милоне	26
„Enfances Roland“	41
2. Историческая правдоподобность	61
Мотивы (Р). Родители Роланда	62
„ „ Главные события в жизни Роланда .	77
„ „ Роланд при дворе Карла	83

III. Приложимость гипотезы.

1. Приложимость к возникновению сказания . . .	91
2. Приложимость к развитию сказания . .	95
Развитие Р	105
Развитие Рс	108

Приложение:

„Hruodlandus, comes limitis Brittannici“ Uebersicht .	123
---	-----

ПОСТАНОВКА ГИПОТЕЗЫ

1. Задача

Многочисленные исследования корней французского сказания о Роланде установили, что при наличном материале научная мысль в этой области не может идти дальше более или менее достоверных предположений, и тому, кто при занятии этими вопросами хотел бы обойтись без гипотез, может быть, лучше вовсе не браться за дело. Ко всякой новой попытке решения означенных вопросов мы можем, следовательно, прилагать только следующие требования: чтобы предлагаемая гипотеза была 1) вполне правдоподобна и 2) приложима к объяснению связанных с нею фактов эпоса.

Создать гипотезу, отвечающую указанным требованиям, и является целью настоящей работы, которая не пытается обнять учение о происхождении сказания о Роланде в его целом и ставит себе для разрешения только два, тесно связанных друг с другом вопроса:

А. — Как объяснить, что маркграф Хруодланд стал центральным героем мощного цикла, столь

пышно развившегося во Франции и получившего такое широкое распространение во всей Европе?

Б. — Как объяснить, что сражение 778 г. получило такое первенствующее значение во французском эпосе и послужило источником притяжения для целого ряда сказаний?

Короче говоря, это — вопросы о централизации Роланда и Ронсевальской битвы, которые уже не раз ставились предыдущими исследователями.

В частности, Г. Парис (*Revue Critique*, 1869, p. 173 — 6. — *Romania* XI, 1882, p. 407) и Бедье (*Leg. Epiques* III, 1912, p. 374) выставили наиболее разработанные гипотезы.

По теории Г. Париса первые песни о Роланде возникли в Верхней Бретани среди дружины Роланда. Возражения, сделанные Бедье (l. c. p. 277 n. 2), против этой теории сводятся к тому, что популярность Роланда в Бретани довольно сомнительна, так как он лишь незадолго перед 778 г. занял там административный пост и ничем не успел себя проявить.

С этим нельзя не согласиться; в самом деле, о деятельности Роланда, как префекта, в Бретани не сохранилось никаких исторических и эпических данных: он не построил ни одной церкви, не выиграл и не проиграл ни одного сражения, не произвел ни одной внутренней реформы. Остальные данные, приводимые Парисом, указывают только на распространённость сказания в Верхней Бретани в XI — XII веке (см. Бедье l. c. p. 277 — 8) и на то, что воспоминание об отношении Роланда к Бретани

долго держалось в памяти французских певцов, но не на бретонское происхождение легенды.

Теория Бедье в части, касающейся причин централизации Роланда, может быть выражена следующими цитатами из указ. соч. стр. 374: „Il se peut que le corps de Roland ait été réellement rapporté du champ de bataille et confié au sanctuaire très vénéré de Blaye..... Comme là-bas, á l'autre entrée des Pyrénées, la tombe de Guillaume était authentique, á Blaye la tombe de Roland l'était peut-etre aussi: s'il en fut ainsi, rien de plus facile que d'expliquer les premières formations legendaires sur Roland“.¹

Хотя подлинность могилы Роланда в Блэ никак не может быть доказана, все же, она исторически вполне правдоподобна и отлично объясняла бы пристрастие песен именно к Роланду, а не к кому либо другому из павших при Ронсевале. Но посмотрим, подтверждают ли тексты такое предположение, указывают ли песни и сказания о Роланде на происхождение основного сказания из Блэ. Ведь, по предположению Бедье, это должна была быть церковная легенда, возникшая и развившаяся в Блэ с целью возвеличить местную святыню и привлечь к ней паломников. Такая рекламная литература не составляет тайны ни для кого из медиэвистов, и сам Бедье блестяще доказал ее влияние на псевдо-турпиновский вариант. Но похожи ли сказания о Роланде

¹ Бедье не особенно настаивает на этом предположении, так как подлинность гробницы Роланда создала бы возможность непосредственного развития легенды в Блэ начиная с VIII-го века, в то время как по общей теории Бедье, она возникла не ранее XI-го века на основе рассказа Ейнхарда (l. c. p. 375 — 8).

на такую литературу? Занимают ли в них Блэ и его церковь такое место, чтобы можно было искать там их родину? Разве св. Роман играет в них такую роль, как, примерно, св. Яков Компостельский в Хронике Турпина? Нет, он не играет в них никакой роли, и, поэтому, полагать церковное сказание из Блэ в основу всего огромного цикла, было бы делом совершенно произвольным и не опирающимся на материал. Как реклама для Блэ, сказание о Роланде не достигло бы своей цели.

Обе разобранные теории оказались неудовлетворительными, потому что одна из них исторически мало вероятна, а другая не обоснована с историко-литературной точки зрения. Наученные этим примером, мы, выдвигая новую гипотезу, будем стараться придать ей двоякую правдоподобность: историческую и историко-литературную.

Что касается приложимости гипотезы, то она должна заключаться не только в непосредственном ответе на предложенные два вопроса, т. е. в указании возможных путей централизации, но и в выяснении условий, в коих могло произойти развитие централизовавшихся основных мотивов в том направлении, которое засвидетельствовано сохранившимися памятниками.

2. Ход решения

Ход решения поставленной задачи вытекает из взаимоотношения двух входящих в нее вопросов. Решение первого через второй, т. е. попытка объ-

яснить возвеличение Роланда из его участия в сражении 778 г., повидимому, обречено на неудачу. Во-первых, политическое значение Ронсевальской битвы, насколько можно судить по историческим памятникам, равняется нулю; если даже битва и имела какие либо последствия, то все они несомненно были сведены на нет рядом последующих войн с басками и сарацинами. Во-вторых, как уже неоднократно было замечено, реальная обстановка сражения, переданная Ейнхардом (*Vita Caroli* с. IX. MGH. SS. II 448), делает почти невозможным предположение, чтобы такое побоище могло родить героев. Баски нападают врасплох, сверху (*desuper incursantes*) и немедленно сбрасывают франков в долину (*in subiectam vallem deiciunt*), производят среди них страшную резню и, гоня перед собой отбитый обоз (*direptis impedimentis*), скрываются в горы. Все совершается во мгновение ока (*summa cum celeritate*). Если бы кто тут и отличился, никто бы этого не видал, ибо дело происходило под покровом ночи (*noctis beneficio*), и никто бы об этом не рассказал, так как франки, лишенные возможности защищаться на лесистых склонах, благодаря тяжести оружия (*armorum grauitas*), были избиты все до единого (*usque ad unum*). Надо примириться с этой мыслью: при Ронсевале не было героев. Была толпа, обезумевшая от испуга, застигнутая врасплох, бегущая и падающая вниз по крутому обрыву, не знающая ни кто враг, ни откуда он, ни как применить в этой темноте свое грузное вооружение, со всех сторон поражаемая легким, может быть, метательным оружием коварных горцев... Словом то, что

рисует нам Ейнхард, не может быть названо даже битвой: это — избиение. Поэтому, раз навсегда отчаявшись в том, чтобы базировать славу Роланда на его участии в сражении 778 г., мы попробуем пойти другим путем и попытаемся решить 2-й вопрос через 1-й, т. е. предположить, что Ронсевальское происшествие достигло своего значения только потому, что в нем участвовал Роланд. В самом деле, если источник славы Роланда не течет из Ронсевальской долины, то его следует искать где нибудь по близости, т. е. найти в цикле Роланда другой мотив, который тоже мог бы претендовать на исконность. В историческом цикле исконный мотив по необходимости должен быть историческим: ведь все преимущество Ронсевальского эпизода перед рассказами о Басине и Басиле, Аголанде, Отинеле и т. п. заключается в том, что он связывает Роланда с историей. Искомый мотив должен быть еще одним мостом между сказкой и былью.

Поиски наши сосредоточатся на самом начале биографии Роланда, а именно на сюжете „рождения“ героя, как на единственном, содержащем в качестве главных героев другие исторические лица, современные Роланду и Карлу. Сюжет этот представляется нам в виде комплекса вариантов разного происхождения, но тесно переплетающихся между собою в ходе развития цикла и образующих самые разнообразные комбинации.

а) Совсем, повидимому, в стороне от прочих стоит вариант, приводимый Ульбрихом Футрером (XV века)¹,

¹ G. Paris: Hist. poétique de Chm. Paris 1865 p. 408.

в котором Роланд является сыном жены корнваллийского князя, Мартоны. Лицо это истории неизвестно, что лишает весь вариант возможности претендовать на какую либо истинность;

б) Ближе к другим вариантам стоит оригинальное показание поэмы „Aquin“, по коему Роланд происходит от брака Tiori de Vannes с сестрою Карла — Bagueheut, — брака, заключенного с согласия Карла. Карл говорит после смерти Тиори:

Aquin. 1 000:

„Franche personne, gentil duc poteis!
Pour le servige que jadis me feis,
Te donnay famme Bagueheut la gentis;
Ma serour est, la belle o le cler vis;
Or en est veuve et Roland orphelins!“.

(Знатная особа, благородный могучий герцог! За услугу, которую ты однажды мне оказал, я дал тебе в жены высокородную Bagueheut; это — сестра моя, светлолица красавица. Теперь она осталась вдовой после тебя, а Роланд — сиротою).

Герцог Ваннский, Теодорих, во времена Карла нигде не засвидетельствован. У Карла не было сестры с таким именем, и реальных своих сестер он замуж не выдавал. Если в этом варианте и скрывается какая нибудь доля исторической правды, то раскопать ее сейчас не представляется возможным.

в) По тем же причинам должен быть отвергнут вариант, делающий Роланда сыном Милона Англеского и Гислы, повенчавшихся с согласия отца ее, Пиппина, или брата, Карла.

Ch. d. Rol. (Лотарингск. фрагм.).

„... A ma suer Gille à la clere fasson.
Elle fut femme au riche duc Millon.
Puis la donnai au cuvert Ganelon“.

(... моей сестре светлицей Гисле. Она была женой владетельного герцога Миллона; затем я отдал ее за подлого Ганелона).

Girard d'Amiens: „Charlemagne“:

„L'aisnee des II suers, quant on la bautiza.
Fu nommee Gilain, que roy Pepin donna.
Au duc Mile d'Ayglant“.

(Старшая из двух сестер при крещении была названа Гислой; ее король Пиппин выдал за герцога Миллона Айглантского).

Как сказано, ни одна из дочерей Пиппина Короткого не была замужем.

В эпитафии Ротхайды (Poetae Latini Aevi Car. I. 57) много говорится о ее предках, об отце и брате, но ни слова о муже; а эпитафия Аделаиды (Ib. 57 — 8) прямо гласит:

„Pippini hic proles Adheleid pia virgo
quiescit“.

Что же касается Гислы, которая особенно будет интересоваться нас в течение этой работы, то текст Ейнхарда прямо запрещает думать о каком либо ее бракосочетании.